

Когда прибежала дворцовая служанка и доложила, что приближается императорская процессия, наложница Шу-фэй не успела вовремя спрятать улыбку, и та так и застыла на её лице.

Находившаяся рядом Сянь-фэй тоже застыла в изумлении, совершенно не понимая, что происходит.

— Кто сказал, что я больна? Кто посмел наговорить государю таких глупостей?

Шу-фэй была в ярости, готовая лишиться чувств. Она нередко прибегала к уловке с притворной болезнью, но чтобы её вынуждали болеть насильно — такое случилось впервые.

Милость государя ценна лишь тогда, когда добиваешься её сама, а то, что преподносят на блюдецке, совсем неинтересно.

Сянь-фэй поспешно прижала её к себе и похлопала по спине:

— Успокойся, а то лицо покраснеет ещё сильнее, и сразу станет видно, что ты пышешь здоровьем, никакой болезни не изобразишь.

Шу-фэй немного перевела дух, взяла себя в руки и спросила служанку:

— Где у меня на этот раз болит?

Служанка припомнила:

— Кажется... в груди.

— Я ухажу, а ты постарайся выглядеть правдоподобнее. Государь терпеть не может, когда его обманывают, — Сянь-фэй поднялась, придерживая подол, и, не оглядываясь, направилась к задней двери. — И смотри, не вздумай проговориться, что я здесь была!

Шу-фэй едва сдерживала гнев. Только что они с Сянь-фэй обсуждали, как заполучить себе того красивого евнуха, и тут такой облом. Теперь среди ночи придётся ломать голову, как морочить голову Сяо Чэнъиню.

— Постой, разве сегодня ночью не наложница Вэй должна была прислуживать государю?

— Государь услышал, что вы больны, велел отправить наложницу Вэй обратно в её покои, а сам направился напрямик в наш дворец Чжаохуа.

У Шу-фэй потемнело в глазах. Она любила притворяться больной, чтобы привлечь внимание, но вовсе не собиралась отбивать государя у другой прямо сейчас. Теперь недоразумение вышло куда серьезнее, чем она думала.

— Государь прибыл!

Снаружи раздался голос евнуха. Шу-фэй уже собралась выйти навстречу, но вдруг что-то вспомнив, стремглав бросилась во внутренние покои, сбросила туфли и верхнюю одежду и нырнула под шёлковое одеяло.

— Скорее, растрепите мне волосы!

Шу-фэй взмахнула руками, срывая с головы все заколки и гребни, и побросала их в деревянный шкафчик у изголовья, попутно отдавая команды служанкам.

Только они закончили, как Сяо Чэнъинь уже переступил порог внутренних покоев.

Увидев его, Шу-фэй по привычке приоткрыла глаза, тяжело и прерывисто задышала и, из последних сил протягивая руку в сторону государя, прошептала:

— Ваше Величество...

Сяо Чэнъинь, видя этот спектакль — каждое притворство было в точности таким же, как и предыдущее, ни капли фантазии, — лишь беспомощно покачал головой.

Он помнил, как однажды Шу-фэй уверяла, что упала и сломала руку. Но стоило ему прийти и присесть, как она тут же обхватила его обеими руками и принялась ластиться к груди. В искусстве кокетства и капризов ей не было равных во всём дворце.

Однако он не стал разоблачать её, неспешно подошёл к кровати, присел и взял её за руку:

— Шу-фэй, как ты себя чувствуешь?

— Ваше Величество, ничего особенного, просто немного клонит в сон, — Шу-фэй нарочито слабо кашлянула. — Может быть, позвольте мне как следует отдохнуть...

— У тебя болит в груди, любимая наложница? — Сяо Чэнъинь поправил одеяло, укрывая её, и с полуулыбкой посмотрел на неё. — Служанка, что докладывала мне, сказала, что у тебя болит сердце, потому что ты не видишь меня.

— ...Да, это так.

Шу-фэй считала, что в этом дворце она уже достаточно манерна и капризна. Но она не ожидала, что подобные приторные слова из уст Сяо Чэнъяня будут звучать ещё более слащаво.

— Хочешь, чтобы я послушал, не сильно ли бьётся твоё сердце?

Шу-фэй промолчала. За всё время пребывания во дворце она ещё никогда не произносила столь постыдных слов. Она непременно вычислит ту служанку, что её подставила, и заставит её сто раз прокричать это на главной улице.

— Раз ты неважно себя чувствуешь, отдыхай.

Глядя, как Сяо Чэнъянь укладывается рядом с Шу-фэй, Юнь Чу наконец облегченно выдохнула: этот эпизод сюжета удалось исправить. Теперь оставалось лишь ждать, когда наложницу Вэй Цзиньшу начнут унижать другие наложницы, чтобы посеять в её сердце семена ненависти.

Когда Юнь Чу, сжимая в руке талисман перемещения, вернулась в покои Вэй Цзиньшу, та уже безмятежно спала.

— Уже спит? — Юнь Чу не могла взять в толк, насколько же беспечна Вэй Цзиньшу. — А я ведь собиралась вернуться и наплести ей, будто Шу-фэй за спиной её проклинала.

Служанка, дежурившая у кровати, тоже клевала носом, явно погрузившись в сон и не заметив прихода Юнь Чу. Та на цыпочках подошла к ложу, отодвинула полог и присела на корточки.

Хрупкий силуэт Вэй Цзиньшу едва угадывался под одеялом.

— Слишком худая, — тихо прошептала Юнь Чу.

Жалкий вид Вэй Цзиньшу не позволял Юнь Чу с лёгким сердцем подтолкнуть её к грядущим страданиям. Но видеть, как та добровольно опускается на дно, пачкая руки в крови, чтобы в итоге встретить ужасный конец — всё это было её заданием. Это был единственный путь для неё, чтобы вернуться в сонм бессмертных и искупить свою карму.

— После падения страны она будет унижена мятежниками и три дня провисит на городской стене. А когда чудом спасётся, её узнают обезумевшие люди и растерзают в клочья.

— У небожителей нет ни чувств, ни желаний, но я всегда была склонна к состраданию. Наверное, именно из-за этих лишних эмоций я и остаюсь низшим небесным служителем вот уже пятьсот лет.

Её цель — собственными руками отправить эту полную жизни девушку на путь, с которого нет возврата, а вовсе не помогать ей. Юнь Чу подавила в себе порыв спасти Вэй Цзиньшу от её

судьбы и осторожно убрала прядь волос, упавшую ей на лицо, за ухо.

— На самом деле, я и сама не хочу, чтобы ты так закончила, но против воли Небес не пойдешь. Быть может, эта жизнь — лишь плод причин и следствий твоих прошлых воплощений.

Рассвело. Юнь Чу медленно открыла глаза — Вэй Цзиньшу уже не было в покоях. Ночью она не нашла подходящего места для отдыха, поэтому, воспользовавшись заклинанием невидимости, уснула прямо на одной кровати с Вэй Цзиньшу.

В этот час Вэй Цзиньшу должна была отправиться с приветствием к императрице, а заодно послушать сплетни гарема. Юнь Чу поднялась с кровати и, пошатываясь, прошлась по комнате.

Свеча на столе догорела наполовину, рядом с подсвечником лежала книга, прочитанная почти до середины. Книга называлась «Война с варварами», она была изрядно потрепана — видимо, хозяйка часто её перечитывала. На той странице, где она остановилась, виднелась строчка, написанная почерком, совершенно не похожим на печатный шрифт книги.

— В тихом краю нет войн, дыхание битв растворяется в сиянии солнца и луны, — Юнь Чу вслух прочитала изящные строчки. — Кажется, это стихотворение написал тот небесный чиновник по фамилии Чан, когда пребывал в мире смертных.

— Эта девушка тоже не лишена доброты, почему же потом...

Только она договорила, как заметила, что кто-то входит. По фигуре это была Вэй Цзиньшу. Юнь Чу стала невидимой — она не боялась, что её обнаружат смертные, и осталась стоять на месте.

— Юэ И, поставь вещи на стол и принеси чаю с закусками.

— Слушаюсь.

Вэй Цзиньшу подошла к столу, села и взяла в руки недочитанную книгу. Посмотрев немного, она поняла, что книгу кто-то листал — вчера она остановилась на другой странице.

— Ты здесь? — тихо спросила Вэй Цзиньшу, обводя взглядом комнату.

Поняв, что её обнаружили, Юнь Чу не стала продолжать игру, сняла заклинание и предстала перед ней. Внезапное появление человека напугало Вэй Цзиньшу, но, зная, что Юнь Чу — ученица школы совершенствующихся, она не слишком удивилась.

Встретившись с этим чистым взглядом, Юнь Чу почувствовала, как слова о том, что Шу-фэй её проклинала, застряли в горле.

— Ты в порядке? — спросила Юнь Чу, а потом, испугавшись, что Вэй Цзиньшу начнёт подозревать, поспешно добавила: — Я слышала о том, что случилось вчера. Это всё император ветреный...

— Со мной всё хорошо...

Они заговорили одновременно и, услышав друг друга, замолчали. Юнь Чу неловко усмехнулась:

— Хорошо, что всё в порядке.

Затем она осторожно спросила:

— Шу-фэй и остальные сегодня тебя не притесняли?

Вэй Цзиньшу в недоумении посмотрела на Юнь Чу:

— Притесняли? В чём?

— Они... не говорили ничего плохого?

Вэй Цзиньшу медленно покачала головой:

— Нет.

Юнь Чу не сдавалась:

— А ты не заметила, что наложницы ведут себя как-то странно?

— Они узнали о вчерашнем и все утешали меня, — Вэй Цзиньшу по-прежнему выглядела растерянной. — Хотя, наложница Шу-фэй и правда вела себя необычно.

— Она что...

Юнь Чу не успела договорить «проклинала тебя», как Вэй Цзиньшу закатала рукава, обнажив руки, унизанные золотыми кольцами и нефритовыми браслетами.

— Ты... ты же всего лишь наложница низкого ранга, откуда у тебя столько богатства? — Юнь Чу остолбенела. Разве не говорили, что у младших наложниц скудное содержание? Неужели небесные книги врут?

— Нет, — Вэй Цзиньшу непонимающе покачала головой. — Наложница Шу-фэй, как только пришла, притащила два сундука с украшениями и поставила передо мной, сказав, что это подарок.

Видя изумление на лице Юнь Чу, Вэй Цзиньшу продолжила:

— Я не хотела брать, но она открыла один сундук, надела на меня все браслеты, что там были, и заставила забрать второй сундук с собой.

Юнь Чу молчала. Она в очередной раз осознала всю разрушительную силу поврежденной Книги Судеб. Что там говорить о самой судьбе — даже характеры окружающих людей сошли с ума.

— А что сказали другие наложницы?

— Они велели мне принять подарки, сказали, что мы все как сестры, и раз у меня мало средств, я должна брать то, что дают, и не стесняться.

Глядя на невинное и наивное лицо Вэй Цзиньшу, Юнь Чу вдруг ощутила досаду. И это чувство касалось не только Вэй Цзиньшу, но и всех наложниц гарема.

— Кстати, ты вчера говорила, что кто-то хотел передать мне слова?

<http://bllate.org/book/18883/1844209>